

Цифровая экономика Китая и формирование международных правил: значение для сотрудничества России и стран БРИКС

Шэнь Дань, Н.В. Михайлова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется модель развития цифровой экономики Китайской Народной Республики в контексте формирования международных правил цифрового регулирования и трансформации глобального экономического пространства в условиях его возрастающей фрагментации. На основе официальной статистики, региональных индексов развития цифровой экономики, а также современных зарубежных и российских научных исследований показано, что к середине 2020-х гг. цифровая экономика Китая превратилась в системообразующий элемент национального воспроизводственного процесса, по масштабам и экономическому значению сопоставимый с традиционными секторами. Особое внимание уделяется структурным и пространственным характеристикам цифрового развития, включая региональную дифференциацию, отраслевую цифровизацию, инфраструктурную экспансию (сети связи и вычислительные мощности), формирование рынка данных и институционализацию данных как фактора производства. Обосновывается тезис о том, что китайская модель цифровой экономики основана на сочетании активной роли государства, высокой концентрации данных в платформенных экосистемах и режиме управляемой, процедурно обусловленной открытости трансграничных потоков информации. Показано, что данная модель формирует альтернативный нормативный подход к цифровой торговле и управлению данными, отличающийся от либеральной концепции свободного движения данных. В статье раскрывается значение китайской модели для России и стран БРИКС, прежде всего в контексте цифрового сотрудничества, снижения транзакционных издержек и выработки совместимых регуляторных решений в условиях санкционного давления и институциональной неоднородности. Делается вывод о том, что ключевым направлением взаимодействия становится формирование режимов регуляторной интероперабельности и регуляторных коридоров низкого риска, позволяющих сочетать расширение цифрового обмена с сохранением цифрового суверенитета и требований национальной безопасности. Гипотеза исследования заключается в том, что дальнейшая эволюция китайской цифровой модели будет сопровождаться усилением нормативного экспорта цифровых стандартов через двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов при разработке национальных стратегий цифрового развития и механизмов международного цифрового регулирования в условиях полицентричной мировой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика Китая; цифровая индустриализация; данные как фактор производства; трансграничные потоки данных; цифровое регулирование; международные правила; цифровой суверенитет; БРИКС; российско-китайское сотрудничество; регуляторная интероперабельность

Для цитирования: Дань Шэнь, Михайлова Н.В. Цифровая экономика Китая и формирование международных правил: значение для сотрудничества России и стран БРИКС. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(3):29-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-29-39

China's Digital Economy and the Formation of International Rules: Importance for Cooperation Between Russia and the BRICS Countries

Shen Dan, N.V. Mikhailova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article examines the model of the development of the digital economy of the People's Republic of China in the context of the formation of international rules of digital regulation and the transformation of the global economic space in the context of its increasing fragmentation. Based on official statistics, regional digital economy development indices, as well as modern foreign and Russian scientific research, it has been shown that by the mid-2020s, China's digital economy had become a system-

forming element of the national reproduction process, comparable in scale and economic importance to traditional sectors. Special attention is paid to the structural and spatial characteristics of digital development, including regional differentiation, industry digitalization, infrastructural expansion (communication networks and computing power), the formation of the data market and the institutionalization of data as a factor of production. The thesis is substantiated that the Chinese model of the digital economy is based on a combination of an active role of the state, a high concentration of data in platform ecosystems and a regime of controlled, procedurally driven openness of cross-border information flows. It is shown that this model forms an alternative regulatory approach to digital commerce and data management, which differs from the liberal concept of free movement of data. The article reveals the importance of the Chinese model for Russia and the BRICS countries, primarily in the context of digital cooperation, reducing transaction costs and developing compatible regulatory solutions in the face of sanctions pressure and institutional heterogeneity. It is concluded that the key area of interaction is the formation of regulatory interoperability regimes and low-risk regulatory corridors that combine the expansion of digital exchange with the preservation of digital sovereignty and national security requirements. The hypothesis of the study is that the further evolution of the Chinese digital model will be accompanied by increased regulatory exports of digital standards through bilateral and multilateral cooperation formats. The practical significance of the work lies in the possibility of using the findings in the development of national digital development strategies and mechanisms of international digital regulation in a polycentric global economy.

Keywords: China's digital economy; digital industrialization; data as a factor of production; cross-border data flows; digital regulation; international rules; digital sovereignty; BRICS; Russian-Chinese cooperation; regulatory interoperability

For citation: Dan Shen, Mikhailova N.V. China's digital economy and the formation of international rules: Importance for cooperation between Russia and the BRICS countries. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(3):29-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-3-29-39

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая трансформация мировой экономики в XXI в. сопровождается глубокими институциональными изменениями, затрагивающими основы международной торговли, инвестиционного взаимодействия и государственного регулирования. Цифровая экономика постепенно выходит за рамки вспомогательного сектора, превращаясь в ключевой фактор воспроизводственного процесса, источник роста совокупной факторной производительности и структурной перестройки национальных экономик.

В этих условиях особую значимость приобретает анализ национальных моделей цифрового развития, способных оказывать трансграничное воздействие и формировать новые нормативные ориентиры на международном уровне. Китайская Народная Республика представляет собой один из наиболее показательных примеров системного и управляемого развития цифровой экономики.

К середине 2020-х гг. цифровой сектор Китая достиг масштабов, сопоставимых с традиционными отраслями, а его вклад в валовой внутренний продукт приблизился к двум пятым совокупного объема национальной экономики. При этом китайская модель принципиально отличается от либеральных подходов, ориентированных преимущественно на рыночную саморегуляцию и свободное движение данных.

В КНР цифровая экономика развивается в рамках активной государственной политики, сочетающей масштабные инфраструктурные инвестиции, индустриальную цифровизацию, институционализацию данных как фактора производства и жестко структурированное регулирование цифровых экосистем.

Актуальность исследования обусловлена тем, что внутренняя модель цифрового развития Китая все в большей степени трансформируется в источник международных правил и стандартов. Экспорт цифровой инфраструктуры, платформенных решений и технологических экосистем сопровождается распространением регуляторных подходов к управлению данными, цифровыми платформами и алгоритмическими механизмами.

В результате формируется альтернативная логика международного цифрового регулирования, основанная на принципах условной открытости, процедурного допуска и приоритета национальной безопасности. Для России и других стран БРИКС значение китайской модели цифровой экономики определяется не только масштабами рынка и технологическим потенциалом, но и возможностью выработки совместимых институциональных решений в условиях санкционного давления и фрагментации глобального цифрового пространства.

Усиление внешних ограничений трансформирует правовую неопределенность в один из ключевых барьеров цифрового сотрудничества, что делает необходимым переход от исключительно коммерческой логики взаимодействия к институциональному проектированию режимов цифрового обмена и регулирования.

Целью настоящей статьи является выявление особенностей китайской модели развития цифровой экономики Китайской Народной Республики как особой формы институционально управляемой цифровой трансформации и оценка ее значения для формирования международных правил цифрового регулирования, а также для развития сотруд-

ничества России и стран БРИКС в условиях фрагментации глобального цифрового пространства.

Достижение данной цели предполагает выход за рамки описания отдельных показателей цифрового роста и сосредоточение внимания на системных характеристиках китайской модели, которые определяют ее трансграничное нормативное и экономическое воздействие.

В рамках исследования ставится задача выявить, каким образом цифровая экономика в КНР трансформировалась из вспомогательного сектора в системообразующий элемент национального воспроизводственного процесса, сопоставимый по масштабам и функциям с традиционными отраслями промышленности и сферы услуг.

Особое значение при этом придается анализу структурных компонентов цифровой экономики Китая, включая цифровую индустриализацию, цифровизацию традиционных отраслей, развитие инфраструктуры связи и вычислительных мощностей, а также институционализацию данных в качестве самостоятельного фактора производства.

МЕТОДЫ

В методологическом отношении статья опирается на смешанный дизайн исследования, сочетающий количественные и качественные методы.

Количественный блок включает анализ официальной статистики и динамических индексов развития цифровой экономики (в том числе субиндексов цифровой индустриализации, цифровизации промышленности, инфраструктуры, технологий и кадрового потенциала) за длительный период, а также межрегиональное сопоставление по 31 провинции с использованием показателей концентрации и элементов пространственного анализа (выявление кластеризации «высокий — высокий/низкий — низкий» и сравнение траекторий по линии Ху Хуаньюна).

Качественный блок реализован через сравнительно-институциональный и нормативно-правовой анализ: авторы реконструируют регуляторную логику Китая в сфере данных и платформ, прослеживают эволюцию режима трансграничных потоков (от ограничительной модели к «условной открытости»), а также сопоставляют подходы к регулированию цифровых платформ в странах БРИКС для обоснования концепта «регуляторной интероперабельности».

Дополнительно применяется аналитический синтез результатов современных научных исследований (review-логика) для верификации ключе-

вых тезисов (масштаб цифровой экономики, роль инфраструктуры 5G, платежная экосистема) и для вывода прикладных рекомендаций — в частности, идеи «регуляторных коридоров низкого риска» как институционального механизма развития сотрудничества России и БРИКС.

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КИТАЯ: СУЩНОСТЬ, РОЛЬ ГОСУДАРСТВА И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

С технической точки зрения цифровые технологии относятся к технологиям, которые преобразуют все виды информации, такие как изображения, тексты, аудио и видео, в двоичные коды «0» и «1», которые могут быть распознаны компьютерами с помощью определенного оборудования, а затем сохраняют и обрабатывают их.

Цифровизацию можно определить как внедрение информационных технологий во все сферы деятельности в системах разного уровня, в том числе и в экономику.

Одной из характерных черт цифровой экономики Китая является активная роль государства. Центральное правительство и Государственный совет КНР разрабатывают долгосрочные стратегии, направленные на внедрение цифровых технологий в промышленность, управление, образование и социальную сферу. Программы цифровизации способствуют повышению эффективности производства, оптимизации логистики и развитию «умных» городов. В результате цифровая экономика стала важным элементом национальной стратегии инновационного развития.

Значительную роль в формировании цифровой экономики играют крупные китайские технологические компании. Такие корпорации, как Alibaba, Tencent и Huawei, не только доминируют на внутреннем рынке, но и активно выходят на международную арену.

Электронная коммерция, цифровые платежи и онлайн-сервисы в КНР достигли высокого уровня развития, что существенно изменило повседневную жизнь населения. Безналичные платежи через мобильные приложения стали нормой даже в небольших городах и сельских районах.

Конечно, внимания заслуживает развитие цифровых платформ и экосистем. Они объединяют торговлю, финансы, логистику и социальные сервисы, формируя новые модели потребления и занятости. Платформенная экономика открывает возможности для малого и среднего бизнеса, снижая барьеры входа на рынок и расширяя доступ к потребителям.

Одновременно с этим государство усиливает регулирование цифровых платформ, стремясь обеспечить баланс между инновациями и социальной стабильностью.

Согласно Инициативе G20 по развитию цифровой экономики и сотрудничеству, принятой на саммите G20 в Ханчжоу в 2016 г., цифровая экономика определяется как экономика, относящаяся к ряду видов экономической деятельности, в которых цифровые знания и информация используются в качестве ключевых факторов производства, современная информационная сеть является важным носителем, а эффективное использование информационно-коммуникационных технологий — важной движущей силой повышения эффективности и оптимизации экономической структуры.

В 2025 г. цифровая экономика Китая демонстрирует устойчивый рост. С 2008 по 2023 г. индекс развития цифровой экономики вырос со 100 до 680,92 при среднегодовом темпе роста в 13,64%. При этом:

- индекс цифровой индустриализации увеличился более чем в 10 раз (среднегодовой темп роста составил 17,24%);
- индекс промышленной цифровизации вырос быстрее всего (среднегодовой темп роста составил 22,70%);
- темпы роста индекса цифровой инфраструктуры замедлились (среднегодовой темп роста составил 7,71%);
- индекс цифровых технологий незначительно снизился в последние годы;
- общее число специалистов в цифровой сфере стабильно растет, однако наблюдается значительный региональный дисбаланс между спросом и предложением¹. На основе данных индекса развития цифровой экономики по 31 провинции (автономным регионам/муниципалитетам, за исключением Гонконга, Макао и Тайваня) установлено следующее:

Во-первых, разрыв в уровнях развития цифровой экономики между провинциями существенно не увеличился, а общая концентрация цифровой экономики оставалась стабильной в диапазоне от 19,8 до 20,8% в период с 2008 по 2023 г.

Во-вторых, в период с 2009 по 2016 г. цифровая экономика демонстрировала пространственную

кластеризацию по типу «высокий — высокий» или «низкий — низкий», в то время как в другие годы явной пространственной кластеризации не наблюдалось.

В-третьих, темпы роста индекса развития цифровой экономики на юго-восточной стороне линии Ху Хуаньюна (13,72%) были выше, чем на северо-западной стороне (12,56%), что указывает на то, что юго-восточный регион лидирует в цифровой индустриализации и цифровизации промышленности, в то время как северо-западный регион быстро догоняет, опираясь на дивиденды от государственной политики[1].

В-четвертых, индекс развития цифровой экономики как в районах проживания этнических меньшинств, так и в районах проживания неэтнических меньшинств значительно вырос, причем в первых темпы роста оказались несколько выше.

В отношении движущих факторов старение населения, уровень человеческого капитала и экологические нормы значительно положительно коррелируют с уровнем развития цифровой экономики, в то время как урбанизация в целом оказывает сдерживающее воздействие на развитие цифровой экономики.

С точки зрения анализа экономического воздействия развитие цифровой экономики может повысить рентабельность корпораций, строительство цифровой инфраструктуры может сократить денежные резервы корпораций, а увеличение числа цифровых специалистов может обуздать чрезмерную самоуверенность руководства.

ПОЛИТИКА ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КИТАЯ: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

Современная политика Китая в области цифровой экономики сосредоточена на укреплении основ развития и углублении цифровой трансформации во всех секторах. В 2023 г. был систематически внедрен ряд ключевых мер.

Руководствуясь «Общим планом построения цифрового Китая», план предлагает создание цифровых отраслевых кластеров международного уровня и содействие технологической интеграции в десяти основных секторах, включая сельское хозяйство, промышленность и энергетику.

Целенаправленные усилия сосредоточены на ключевых областях:

- *мнения о цифровом и интеллектуальном развитии энергетики* стимулируют интеллекту-

¹ 中华人民共和国商务部编. 中国数字贸易发展报告2025 / 编制单位: 中国国际经济交流中心课题组; 中华人民共和国商务部. — 北京: 商务部, 2025. Report on China's development of digital trade. Ministry of commerce of the people's Republic of China. 2025. URL: https://cif.mofcom.gov.cn/cif/html/upload/20251013094931676_%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E6%95%B0%E5%AD%97%E8%B4%B8%E6%98%93%E5%8F%91%E5%B1%95%E6%8A%A5%E5%91%8A2025.pdf

альную модернизацию электроэнергетической и угольной промышленности;

- *ключевые моменты развития цифровых деревень* укрепляют цифровую инфраструктуру сельского хозяйства и трансформируют всю цепочку поставок зерна;

- *мнения о строительстве интеллектуальных автомагистралей* создают цифровую систему для всего процесса строительства автомагистралей.

Для решения задач трансформации малых и средних предприятий «Уведомление о пилотных городах для цифровой трансформации малых и средних предприятий» инновационно внедряет предприятия типа «малый маяк» и решения, основанные на принципе «малый, быстрый, легкий и точный».

Одновременно усиливается управление технологиями: создается система мониторинга патентов на основе «Таблицы классификации патентов для ключевых отраслей цифровой экономики»; внедряются «Меры управления услугами генеративного ИИ», регулирующие риски, связанные с безопасностью данных и контентом, что позволяет выстроить надежную линию защиты для обеспечения инновационного развития.

С момента своего создания в 2023 г. Национальное управление данных значительно улучшило проектирование и общее планирование системы и механизмов обработки данных.

В отношении построения инфраструктуры данных «Руководящие указания по ускорению цифровой трансформации сферы услуг жизнеобеспечения» направлены на содействие преобразованию предприятий и укрепление инфраструктуры посредством цифровой трансформации в сфере услуг жизнеобеспечения.

«Реализация рекомендаций по углублению проекта „Восточные данные, западные вычисления“ и ускорению создания национальной интегрированной вычислительной сети» предлагает углубить реализацию проекта «Восточные данные, западные вычисления» и содействовать созданию национальной интегрированной вычислительной сети.

В контексте построения рынка элементов данных «Трехлетний план действий по „Элементам данных ×“ (2024–2026)» направлен на открытие каналов для модернизации индустрии данных.

Что касается благосостояния населения, то «План реализации мер по содействию общему процветанию посредством цифровой экономики» использует цифровую экономику для координации регионального сотрудничества, цифрового разви-

тия сельских районов, повышения уровня грамотности населения и предоставления инклюзивных услуг, формируя замкнутую систему «система — инфраструктура — рынок — благополучие населения».

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КИТАЯ: МАСШТАБЫ, ДОЛЯ В ВВП И РОЛЬ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ

Цифровая экономика в КНР достигла масштабов, сопоставимых с традиционными секторами, и стала системообразующим фактором экономического роста.

Так, в рецензируемой статье, опубликованной в журнале *Land* в 2025 г., на основе официальной статистики и региональных данных показано, что совокупный объем цифровой экономики Китая достиг 50,2 трлн юаней, а ее доля приблизилась к 40% валового внутреннего продукта, при этом только инфраструктура связи пятого поколения включала 2,646 млн базовых станций 5G[1].

Сходные количественные оценки приводятся в аналитической статье о режимном комплексе цифровой торговли в Азии, где доля цифровой экономики Китая в ВВП оценивается в 41,5%[2].

Данные показатели принципиально важны для понимания китайской модели, поскольку они свидетельствуют о переходе цифровых технологий из вспомогательной сферы в ядро воспроизводственного процесса. В отличие от экономик, где цифровизация концентрируется преимущественно в секторе услуг, китайская модель характеризуется глубокой интеграцией цифровых решений в промышленность, логистику, государственное управление и финансовую систему. Цифровая экономика выступает самостоятельным фактором роста совокупной факторной производительности [3, 4].

Фундаментальным элементом данной модели является инфраструктурная экспансия, прежде всего в сфере сетей связи и вычислительных мощностей. Масштабное развертывание 5G представляет собой институциональный инструмент ускоренной диффузии инноваций. Государственная координация инвестиций в 5G позволила сформировать единое технологическое пространство для развития промышленного интернета, «умной» логистики и цифровых городских систем, тем самым снизив барьеры для внедрения цифровых решений в традиционные сектора экономики.

В этой логике инфраструктура выступает активным регуляторным механизмом, поскольку архитектура сетей, стандарты и протоколы закладывают рамки допустимых форм экономической активности.

ФИНАНСОВО-ПЛАТЕЖНАЯ ЭКОСИСТЕМА: РОЛЬ ALIPAY И WECHAT PAY В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Не менее значимым компонентом китайской цифровой экономики является финансово-платежная экосистема, которая обеспечила практически всеобщую оцифровку потребительских и предпринимательских транзакций. Alipay и WeChat Pay совместно контролируют более 90% рынка мобильных платежей в Китае, что свидетельствует о высокой концентрации и платформенном характере финансовой инфраструктуры [5].

Alipay и WeChat Pay представляют собой две базовые цифровые платежные системы Китая, вокруг которых сформировалась современная финансово-платежная инфраструктура страны. Их развитие показывает специфику китайской модели цифровой экономики, в которой платежные сервисы из вспомогательного финансового инструмента превратились в универсальные цифровые платформы повседневного пользования.

Alipay была запущена в 2004 г. как платежное решение для электронной коммерции группы Alibaba. Изначально сервис выполнял функцию эскроу-платежей, обеспечивая доверие между покупателями и продавцами на онлайн-платформах. Со временем Alipay трансформировалась в многофункциональную финансовую систему, интегрирующую мобильные платежи, переводы между физическими лицами, оплату услуг, микрокредитование, страхование и инвестиционные продукты.

Ключевой особенностью Alipay стало тесное встраивание платежных функций в экосистему электронной коммерции и логистики, что позволило обеспечить высокий уровень удобства и масштабируемости. Пользователь взаимодействует с сервисом через единый интерфейс, получая доступ к широкому спектру финансовых операций без обращения к традиционным банковским каналам. В результате Alipay стала основным инструментом безналичных расчетов как для онлайн-, так и для офлайн-торговли, включая малый бизнес и индивидуальных предпринимателей.

WeChat Pay развивалась по иной логике, опираясь на социальную платформу WeChat, принадлежащую корпорации Tencent. Платежная функция была встроена в мессенджер и социальную сеть, что обеспечило ее стремительное распространение за счет сетевых эффектов. WeChat Pay изначально позиционировалась как инструмент удобных переводов между пользователями и оплаты повседневных услуг внутри социальной среды.

В дальнейшем система стала универсальным платежным решением для торговли, транспорта, коммунальных платежей, государственных сервисов и корпоративных расчетов. Отличительной чертой WeChat Pay является глубокая интеграция платежей с социальными и коммуникационными функциями, что превращает финансовые операции в естественную часть цифрового общения и деловой активности.

В совокупности Alipay и WeChat Pay сформировали дуопольную структуру рынка мобильных платежей Китая, обеспечив практически полную оцифровку розничных и межличностных расчетов. Их доминирование обусловлено не только технологическим удобством, но и экосистемным характером: обе системы встроены в повседневные цифровые практики пользователей и бизнеса.

Именно поэтому данные платежные сервисы стали фундаментом современной финансово-платежной системы КНР и одним из ключевых факторов масштабного развития цифровой экономики страны. В исследовании 2025 г., опубликованном в журнале *FinTech*, приводится количественный показатель в 969 млн пользователей онлайн-платежей, что составляет 88,1% всех интернет-пользователей страны и тем самым фиксирует фактическую универсальность цифровых платежей как социальной практики [6].

Эти данные позволяют утверждать, что платежная инфраструктура стала одним из ключевых источников формирования массивов данных, имеющих стратегическое значение как для бизнеса, так и для государства.

КИТАЙ И СТРАНЫ БРИКС: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ, МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВИЛ

Цифровое сотрудничество Китая и стран БРИКС в XXI в. приобретает стратегическое значение и становится одним из ключевых факторов устойчивого развития, технологического суверенитета и укрепления многополярного мирового порядка.

В условиях ускоренной цифровизации мировой экономики, трансформации глобальных цепочек создания стоимости и роста технологической конкуренции взаимодействие в цифровой сфере позволяет странам БРИКС выработать альтернативные модели развития, не зависящие исключительно от западных технологических центров.

Китай, являясь одним из мировых лидеров в области цифровых технологий, искусственного интеллекта, электронной коммерции и телекоммуникаций,

играет в этом сотрудничестве системообразующую роль. Опыт Китая в создании масштабных цифровых экосистем, развитии платформенной экономики и внедрении «умных» технологий в промышленность и государственное управление представляет значительную ценность для других стран БРИКС — России, Индии, Бразилии и ЮАР.

Взаимный обмен технологиями и управленческими практиками способствует сокращению цифрового разрыва как между странами, так и внутри них.

Важным направлением цифрового сотрудничества является формирование совместной цифровой инфраструктуры. Речь идет о развитии сетей связи нового поколения, трансграничных цифровых платформ, облачных вычислений и систем обработки больших данных. Совместные проекты позволяют странам БРИКС снижать издержки, обеспечивать технологическую совместимость и укреплять цифровой суверенитет, что особенно актуально в условиях санкционного давления и фрагментации глобального интернета.

Концентрация данных и их экономическая значимость обусловили формирование в Китае особой модели регулирования, в рамках которой данные рассматриваются одновременно как фактор производства, объект экономической политики и элемент национальной безопасности.

Усиление государственного контроля над цифровыми экосистемами не является реактивной мерой, а встроено в общую стратегию управляемой цифровой трансформации [7].

С точки зрения международного права и политической экономии это означает, что Китай стремится сохранить пространство для активной промышленной и технологической политики, минимизируя внешние ограничения, связанные с либерализацией цифровых рынков.

Данная внутренняя модель непосредственно связана с формированием международных правил цифровой экономики. Китайская законодательная система в сфере трансграничного управления данными прошла путь от фрагментарных норм к комплексной архитектуре, включающей требования локализации, оценки рисков и процедурного допуска трансграничной передачи данных [8].

Данная система формируется под воздействием как внутренних задач безопасности, так и внешнего давления со стороны международной торговли и переговоров.

Фактический сдвиг в сторону более гибких режимов трансграничного обмена данными зафиксирован и в статье, опубликованной в журнале *Computer Law & Security Review*, где на основе анализа новых

подзаконных актов и практики правоприменения делается вывод о переходе от жесткой ограничительной логики к модели «условной открытости», допускающей передачу данных при соблюдении установленных процедур [9].

Стоит отметить, что в международном контексте это формирует альтернативный нормативный подход, противопоставляемый модели «свободного потока данных» без предварительных условий.

Формирование международных правил цифровой экономики осуществляется Китаем и через правовые тексты и переговоры, и через инфраструктурное и стандартное влияние. В фундаментальной статье, опубликованной в *New York University Journal of International Law and Politics*, вводится понятие «Beijing Effect», описывающее механизм, при котором экспорт китайской цифровой инфраструктуры и технологий ведет к заимствованию регуляторных подходов к данным и цифровым платформам в странах-партнерах [10].

Таким образом, нормы формируются де-факто через совместимость архитектур и стандартов, а не исключительно через международные договоры.

Для России и стран БРИКС значение данной модели определяется как экономическими, так и институциональными факторами. В эконометрическом исследовании, опубликованном в журнале *Finance Research Letters* в 2024 г., на основе панельных данных за период 2000–2022 гг. показано, что уровень цифрового развития статистически значимо усиливает торговые связи между Китаем и странами БРИКС, снижая транзакционные издержки и смягчая эффект институциональных различий [11].

Этот результат имеет принципиальное значение, поскольку он демонстрирует, что цифровая кооперация может выступать компенсаторным механизмом в условиях правовой и институциональной неоднородности.

ФОРМИРОВАНИЕ СОВМЕСТИМЫХ ПРАВИЛ ЦИФРОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ФРАГМЕНТАЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Регуляторное измерение сотрудничества в рамках БРИКС в сфере цифровой экономики целесообразно рассматривать как процесс формирования функционально сопоставимых регуляторных решений, направленных на снижение трансграничной неопределенности при сохранении национального контроля над цифровыми рынками.

Государства объединения имеют схожие структурные проблемы: рыночную концентрацию платформ; асимметрию информации между платформами и пользователями; рост экономической и социальной значимости алгоритмических механизмов распределения доступа к рынкам и данным. При этом отсутствие унифицированной модели регулирования не препятствует сближению предметных областей правового вмешательства, что фиксируется в сравнительном анализе подходов к защите потребителей, конкуренции, ответственности платформ и доступу регуляторов к данным [12].

Именно это сближение проблемных полей формирует институциональную основу для выработки совместимых правил в рамках БРИКС. Речь идет о формировании режимов регуляторной интероперабельности, при которых национальные системы сохраняют суверенную специфику, но опираются на сходные критерии допустимости платформенной деятельности, процедуры надзора и принципы распределения ответственности.

Подобный подход снижает транзакционные издержки трансграничной цифровой деятельности, поскольку участники рынков действуют в среде предсказуемых регуляторных ожиданий, даже при различии формально-правовых конструкций. В этом смысле БРИКС может быть рассмотрен как пространство апробации «мягкой согласованности» цифрового регулирования, альтернативной как полной либерализации, так и жесткой гармонизации.

В российско-китайском контексте значимость регуляторной совместимости усиливается действием внешних ограничений, прежде всего санкционного характера, которые трансформируют правовую неопределенность в один из ключевых факторов сдерживания цифрового сотрудничества.

В научном анализе российско-китайского взаимодействия в цифровой экономике подчеркивается, что существующие ограничения связаны не только с уровнем цифрового развития или объемом рынков, но и с институциональными барьерами, включая риски вторичных санкций, вопросы безопасности и отсутствие устойчивых договорных механизмов координации цифровой политики [13].

Факторы эти делают невозможным расширение сотрудничества на основе исключительно коммерческих стимулов и выдвигают на первый план задачу институционального проектирования.

ВЫВОДЫ

Наш вывод состоит в том, что в условиях санкционного давления и фрагментации глобального

цифрового пространства ключевым условием расширения российско-китайского и более широкого «бриксовского» сотрудничества становится формирование регуляторных коридоров низкого риска. Подобного рода коридоры предполагают предварительное определение допустимых категорий данных, процедур трансграничной передачи, требований к локализации и хранению, механизмов комплаенса и ответственности участников цифровых экосистем. В отличие от универсальных соглашений, подобные режимы могут быть секторальными и поэтапными, что повышает их адаптивность и снижает институциональные издержки внедрения.

В более широком контексте БРИКС китайская модель цифровой экономики приобретает значение как источник институциональных решений, демонстрирующих, каким образом масштаб цифровых рынков, концентрация данных и активная регуляторная роль государства могут быть сопряжены с участием в международном нормотворчестве.

Масштаб китайской цифровой инфраструктуры и платформенной экономики объективно усиливает трансграничные эффекты внутреннего регулирования, поскольку требования к данным, алгоритмам и ответственности платформ начинают действовать экстерриториально через торговые и технологические связи. Для России и других стран БРИКС это означает, что участие в формировании международных правил цифровой экономики приобретает практический характер именно на уровне согласования процедур и критериев допустимости.

Представленный в статье анализ позволяет сделать несколько взаимосвязанных выводов о сущности китайской модели цифровой экономики, механизмах ее трансляции во внешнюю среду и о практических последствиях для России и стран БРИКС в условиях фрагментации глобального цифрового пространства.

Прежде всего, цифровая экономика Китая к середине 2020-х гг. закрепились не как «надстройка» над традиционными секторами, а как системообразующий контур национального воспроизводства. Это принципиально меняет логику интерпретации цифровизации: речь идет о формировании инфраструктурно-институциональной среды, в которой данные, платформы, вычислительные мощности и коммуникационные сети становятся базовыми производственными ресурсами и одновременно объектом политики.

Масштаб цифрового сектора (около двух пятых ВВП по приводимым оценкам) в сочетании с почти универсальной цифровизацией платежей и повседневных транзакций означает, что цифровые контуры пронизывают как промышленность и логистику, так и социальную сферу, управление, рынок труда. Отсюда следует, что цифровая трансформация в КНР носит характер структурного перехода: цифровая экономика перестает быть отраслью и превращается в форму организации экономики в целом.

Второй существенный вывод касается пространственной и социальной неоднородности цифрового развития при сохранении управляемой динамики сближения. Анализ демонстрирует, что региональные разрывы существуют и воспроизводятся (особенно по линии «юго-восток — северо-запад»), но при этом не приводят к неконтролируемому расслоению. Концентрация цифровой экономики остается стабильной, а отстающие территории догоняют за счет целевых политик и инфраструктурных решений. Китайская модель строится вокруг идеи территориально распределенной интеграции через инфраструктуру, стандарты и государственные программы.

Китайская цифровизация опирается на комбинацию человеческого капитала, демографических факторов, нормативно-экологических требований и — что особенно важно — на институциональные механизмы, превращающие инфраструктуру в инструмент ускоренной диффузии инноваций. Масштаб развертывания 5G и формирование национально интегрированной вычислительной сети иллюстрируют, что в КНР инфраструктура мыслится как регуляторный каркас: архитектура сетей, стандарты, протоколы и правила подключения формируют пределы допустимых экономических практик и направляют цифровизацию в нужные государству и крупным экосистемам траектории. В этом смысле инфраструктурная экспансия выполняет двойную функцию: она одновременно снижает барьеры внедрения цифровых решений в традиционные отрасли и усиливает управляемость цифровых потоков.

Четвертый вывод касается центрального элемента китайской модели — институционализации данных как фактора производства при одновременном признании их объектом национальной безопасности. Мы показали, что концентрация данных, возникающая из массовых платформенных практик (платежи, логистика, электронная коммерция, услуги), не является побочным результатом цифрового роста. Напротив, именно данные становятся ресурсом для

новой промышленной политики, алгоритмического управления и конкурентной стратегии платформ.

Поэтому усиливающийся государственный контроль над экосистемами в Китае следует понимать, как встроенный элемент модели, в котором государство стремится удержать возможность перераспределять преимущества от накопления данных, задавать правила их обращения, определять чувствительные категории и выстраивать систему допуска к трансграничным потокам. Так формируется концепция управляемой открытости, при которой внешнее взаимодействие допускается в рамках процедур, комплаенса и оценок рисков.

Внутренняя архитектура китайского цифрового регулирования фактически становится источником внешних эффектов и де-факто международных правил по двум каналам:

- *юридико-институциональному*: эволюция законодательства о трансграничной передаче данных — от фрагментарности к комплексной системе с процедурами допуска и условиями передачи — формирует альтернативную нормативную логику по отношению к модели свободного потока данных;
- *инфраструктурно-стандартному*: экспорт цифровой инфраструктуры, технологических решений и платформенных продуктов переносит вовне включенные в них правила — требования к хранению, форматам, интерфейсам, ответственности, доступу к данным и надзору.

В этом смысле международные правила возникают не только через договоры и переговоры, но и через совместимость архитектур. Поэтому китайская модель обладает высокой трансграничной нормативной силой именно благодаря масштабу рынков и технологической зависимости партнеров от китайских решений.

Следующий вывод касается значения этой ситуации для России и БРИКС. Показано, что цифровое развитие статистически усиливает торговые связи Китая со странами объединения и частично компенсирует институциональные различия за счет снижения транзакционных издержек. Однако в условиях санкционного давления и риска вторичных ограничений экономической логики недостаточно: ключевым барьером становится правовая неопределенность и несовместимость регуляторных режимов.

Отсюда вытекает основной практический вывод статьи о том, что устойчивое цифровое сотрудничество в «бриксовском» пространстве, вероятнее всего, будет строиться не вокруг полной унификации правил и не вокруг либерализации по западному

типу, а вокруг режимов регуляторной интероперабельности.

Интероперабельность в данном контексте означает функциональную сопоставимость процедур (кто и как допускает трансграничную передачу данных, какие категории данных выделяются, как распределяется ответственность платформ, как обеспечивается доступ регулятора к информации) при сохранении различий в правовой технике и суверенных приоритетах.

Итак, наиболее реалистичной формой интероперабельности для России и партнеров по БРИКС становятся регуляторные коридоры низкого риска. Их смысл в том, чтобы заранее очертить ограниченные, но экономически значимые сферы цифрового обмена (например, отдельные отрасли, цепочки поставок, платежно-расчетные сервисы, логистические данные, промышленный интернет), определить для них допустимые категории данных и процедуры передачи, согласовать требования к локализации и хранению, а также внедрить механизмы комплаенса и распределения ответственности.

Этот подход снижает риски масштабных политико-правовых конфликтов, позволяет двигаться поэтапно и обеспечивает предсказуемость для бизнеса и государственных структур. Важно и то, что коридоры могут стать инструментом мягкой согласованности: они не требуют радикального сближения правовых систем, но создают практические условия для совместных проектов.

Наконец, общий теоретический вывод статьи заключается в том, что китайская модель демонстрирует новую конфигурацию соотношения суверенитета и глобализации в цифровой сфере.

Китай показывает, что участие в международном нормотворчестве возможно не только через принятие внешних правил, но и через экспорт собственной институциональной логики, основанной на приоритете безопасности, процедурной открытости и активной роли государства.

Для России и стран БРИКС это значит необходимость смещения акцента — от дискуссии о правильной универсальной модели цифрового регулирования к прагматическому проектированию совместимых режимов, которые одновременно поддерживают цифровое развитие, снижают трансграничную неопределенность и сохраняют цифровой суверенитет. В условиях разлома глобальных режимов именно способность выстраивать такие совместимые правила и станет ключевым фактором устойчивости и конкурентоспособности цифровой кооперации в пространстве БРИКС.

Таким образом, регуляторное измерение цифрового сотрудничества БРИКС следует интерпретировать как процесс институциональной адаптации к новым формам экономической взаимозависимости, где ключевую роль играет не унификация норм, а создание совместимых режимов регулирования, позволяющих сочетать цифровое развитие с суверенными приоритетами и требованиями безопасности. В этом процессе китайская модель выступает структурным ориентиром, демонстрирующим, каким образом внутреннее регулирование цифровой экономики может быть трансформировано в источник международных правил и институциональных эффектов, значимых для партнеров по БРИКС.

REFERENCES

1. Gao S., Zhang J., Ma Z., Zhou G., Liu Ya., Liu Yu. Digital economy development and urban-rural integration in Northeast China: Mechanisms and Spatial Effects. *Land*. 2025;14(5):993. URL: <https://doi.org/10.3390/land14050993>
2. Gao X., Chen X. The regime complex for digital trade in Asia and China's engagement. *Asia Europe Journal*. 2024;23(2-3):393-413. URL: <https://doi.org/10.1007/s10308-024-00705-0>
3. Gangzhen Wang G., Sun J. Digital economy development and industrial structure upgrading: Empirical evidence from inter-provincial panel data in China. *Technological and Economic Development of Economy*. 2024;6(3):114-124. URL: <https://doi.org/10.23977/acccm.2024.060315>
4. Baark E. China's new digital infrastructure: Expanding 5G mobile communications. *East Asian Policy*. 2022;14(02):124-136. URL: <https://doi.org/10.1142/S1793930522000162>
5. Torre D. Digital payments in China: Adoption and interactions with the banking system. *Revue D'économie Industrielle*. 2020;172:55-82. URL: <https://doi.org/10.4000/rei.9471>
6. Li Z. Architecting inclusion in e-CNY: Payment infrastructure and digital finance in China. *Encyclopedia MDPI*. 2025;5(4):179. URL: <https://doi.org/10.3390/encyclopedia5040179>
7. Qian J. Governing China's Digital transformation: Industrial policy, regulatory governance and innovation. London: Routledge; 2025. URL: <https://doi.org/10.4324/9781003347088>

8. Su R. and Zhang D. Adaptive sovereignty: China's evolving legislative framework for Transnational Data Governance. *Politics and Governance*. 2025;13:10415. URL: <https://doi.org/10.17645/pag.10413>
9. Guo S., Li X. Cross-border Data Flow in China: Shifting from restriction to conditional openness. *Computer Law & Security Review*. 2025. URL: <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4806703>
10. Erie Matthew S., Streinz Thomas. China's "Digital Silk Road" as Transnational Data Governance. *New York University Journal of International Law and Politics*. 2021;54(1):3-92. URL: https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:71efc786-4e5f-4006-8156-ea9cdfd3a433/download_file?safe_filename=Erie_and_Streinz_2021_The_Beijing_effect.pdf
11. Qin S., Deng H., Hu Sh. Digital development and China-BRICS Trade: Role of institutional distance. *Finance Research Letters*. 2024;103(2):106636 URL: <https://doi.org/10.1016/j.frl.2024.106636>
12. Larionova M., Doronin P. Problems of digital platforms regulation: Challenges and perspectives of international cooperation. *International Organisations Research*. 2024;9(2):70-92. URL: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-04>
13. Изотов Д.А. Сотрудничество России и Китая в цифровой экономике: возможности и ограничения. *Азия и Африка сегодня*. 2025;2:35-44. URL: <https://doi.org/10.7868/S2782238925120046>
Izotov D.A. Cooperation of Russia and China in digital economy: Opportunities and limitations. *Asia & Africa today*. 2025;2:35-44. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.7868/S2782238925120046>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Шэнь Дань — аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Shen Dan — PhD student of the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0009-0002-6406-7055>

Автор для корреспонденции / Corresponding autor:
1042238147@pfur.ru

Наталья Вячеславовна Михайлова — доктор политических наук, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Natalia V. Mikhailova — Dr. Sci. (Political), Prof. at the Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0003-2842-9143>
mikhaylova_nv@pfur.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.01.2026; после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 02.04.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 08.01.2026; revised on 12.02.2026; accepted for publication on 02.04.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.